Юнона Белова
Игрушка жестокого наследника.
Ты шантажировал меня больной матерью, а теперь просишь любви!

Юнона Белова

Игрушка жестокого наследника. Ты шантажировал меня больной матерью, а теперь просишь любви!

«Автор»
2026

Белова Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты шантажировал меня больной матерью, а теперь просишь любви! / Ю. Белова — «Автор», 2026

Алиса учится в элитном колледже и тайно пишет курсовые богатым однокурсникам. Не ради красивой жизни: ей нужны деньги на реабилитацию матери.Но однажды её секрет узнаёт Марк Волков — холодный наследник банковской империи, привыкший управлять чужими судьбами.Вместо помощи он втягивает девушку в опасную игру, где любое неверное движение грозит отчислением и позором.Богатая соперница называет Алису продажной, а влиятельные семьи готовы уничтожить доказательства собственных махинаций.Только Алиса больше не намерена быть удобной пешкой.Она раскроет чужие тайны, вернёт себе имя и заставит самого Марка выбирать между семьёй и совестью.Но способно ли его раскаяние превратиться в подлинную взаимную любовь?

© Белова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Юнона Белова
Игрушка жестокого наследника. Ты шантажировал меня больной матерью, а теперь просишь любви!

Глава 1

Аудитория №402 пахла старой бумагой, плесенью и отчаянием. Или это был запах моего собственного страха? Я не знала точно. Знала только одно: до дедлайна оставалось сорок минут, а в животе у меня скручивался узел боли, острый, как наждачная бумага. Бумажный стакан с горячей водой из фастфуда, который я унесла час назад, остывал, но тепла было достаточно, чтобы пальцы не превратились в ледышки.

Я печатала одной рукой. Второй прижимала телефон к груди, заглушая вибрацию. Звонит: Больница Святой Елизаветы. «Предоплата реабилитации», — гласило смс три минуты назад. Маму уже сняли с ИВЛ после операции. Если до утра не внести пять тысяч, место в центре отдадут следующему пациенту, а она снова застрянет дома, где я не умею даже правильно поднять её с кровати. Все мои планы на её восстановление упирались в курсовую по макроэкономике за пять тысяч рублей.

Клац-клац-клац. Клавиатура стучала, как пулеметная очередь. Текст лился из меня сам собой, механически, без души. Заголовки, сноски, выводы. Для Григория Мещерякова, сына владельца сети автосалонов, которому нужно было просто закрыть хвост перед комиссией. Он не читал. Он никогда не читал. Ему важно было получить файл с расширением .docx и отправить его своему репетитору-подельнику.

Дверь скрипнула.

Григорий вошел, не постучав. В костюме, который стоил больше, чем моя аренда квартиры за полгода, он выглядел нелепо в этой разваливающейся аудитории с облупившейся краской на стенах. Его глаза блестели не от интеллекта, а от предвкушения власти.

— Алиса, детка, — протянул он, подходя ближе. Слишком близко. Я чувствовала запах его одеколона, тяжелый, давящий, как духи богатых людей, которые не привыкли спрашивать разрешения. — Ты уже закончила?

Я не подняла глаз от экрана. Пальцы летели над клавишами.

— Почти. Деньги?

Он усмехнулся, опираясь бедром о мой стол, блокируя единственный выход из-за парты.

— Мы же договорились... если ты сделаешь скидку. Ну, ты понимаешь. Хорошая девочка может добавить немного... личного комментария. От себя. Или просто посидеть со мной после лекций. Посмотрим, что там у тебя в сумке кроме тетрадей.

Его рука легла мне на плечо. Тяжелая, липкая. Меня замутило. Голод и стресс смешались в коктейль тошноты, подступивший к горлу. Но я не вздрогнула. Не сейчас. Слабость здесь стоила слишком дорого.

Я резко сбросила его руку с плеча, толкнув запястье так сильно, что он потерял равновесие и шагнул назад.

— Убери руки, Гриша. Или я напишу ректору, чьими трудами ты собирал портфолио для стажировки в Лондоне. Мне все равно, что будет с твоей репутацией. А вот тебе есть о чем думать, когда папа узнает, что ты платишь за оценки, а не получаешь их.

Тишина повисла густая, вязкая. Григорий побледнел, его челюсть дернулась. Он знал, что я права. Страх — лучший мотиватор для таких, как он.

Именно в этот момент дверь открылась полностью.

Не скрипнула. Открылась. С силой, которая говорила о хозяине положения.

Марк Волков стоял на пороге. Высокий, худой, в идеально скроенном черном пальто, которое контрастировало с серостью вокруг. Я его не интересовала. Его взгляд, холодный и расчетливый, скользнул по Григорию, словно тот был пятном грязи на дорогом ковре. Презрение в этих глазах было настолько очевидным, физически ощутимым, что я почувствовала мурашки на спине.

Григорий замер. Цвет лица изменился с бледного на пепельный. Он попытался спрятать конверт с деньгами в карман, но руки дрожали.

— Марк... мы просто... обсуждали учебу.

Марк ничего не ответил. Он медленно вошел внутрь, закрывая за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Он остановился посреди класса, скрестив руки на груди. Тишина стала звенящей.

Я посмотрела на него. Прямо. Без страха, хотя внутри все кричало от ужаса. Марк Волков не просто студент. Он сын владельца банка, главного спонсора колледжа. Человек, который мог испепелить меня одним движением брови. Но он не смотрел на меня как на жертву. Он смотрел на меня как на деталь механизма. На инструмент.

Я перевела взгляд на монитор. Файл был сохранен на старом компьютере аудитории. Скопировала его на флешку и вытянула ее из разъема. Курсор мигал на пустой строке.

— Деньги, — сказала я тихо, но четко. Глядя прямо в глаза Марку, который вдруг заинтересованно вскинул бровь. — Григорий должен заплатить. Сейчас.

Марк усмехнулся. Тонко, едва заметно, но эта усмешка была страшнее любого крика. Он сделал шаг ко мне, игнорируя трясущегося Григория. Запах кожи и холодного воздуха ударил в нос.

— Смело, — прошептал он, наклоняясь так близко, что наши тени слились на столе. — Очень смело. Держишь лицо перед хищником. Это редкость среди тех, кто пытается выжить.

Я протянула Григорию флешку. Он выхватил ее, будто боялся, что я передумаю.

Григорий бросил конверт на стол. Тот шлепнулся рядом с клавиатурой. Григорий дернул запертую дверь, нашел защелку и выбежал из аудитории, даже не обернувшись.

Я взяла конверт. Руки не дрожали. Я проверила сумму. Все на месте. Пять тысяч. Место для мамы останется за нами.

— Ты знаешь, что это незаконно? — спросил Марк, выпрямляясь. Его голос был бархатным, опасным.

— Ты знаешь, что это бизнес, — ответила я, убирая деньги в карман юбки. — А бизнес не имеет морали. Только баланс.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Будто пытался просчитать мою стоимость. Затем развернулся и вышел, не сказав ни слова. Но я чувствовала его внимание на своей спине, как ожог, еще несколько секунд после того, как дверь закрылась.

Я схватила рюкзак и побежала в коридор. Нужно было уйти. Быстро. Пока Григорий не натравил на меня охрану или пока Диана Лермонтова, королева этого курса, не учуяла кровь.

Но в холле первого этажа толпа студентов уже расступилась.

Диана стояла посреди коридора, окруженная своей свитой. Ее светлые волосы были уложены идеальной волной, платье сидело как вторая кожа. Она держала в руках планшет с моим именем на экране.

— Алиса, — ее голос звучал сладко и ядовито, разносясь по всему пространству. — Как мило. Ты снова торгуешь собой? Или ты просто подложила Григорию поддельную работу, чтобы сорвать ему экзамен и занять его место в рейтинге?

Толпа зашептала. Взгляды впивались в меня, как булавки.

— Что? — я остановилась, сердце заколотилось где-то в горле.

— Не делай вид, что ты умная, — Диана подошла ближе, тыча мне в грудь пальцем с длинным маникюром. — Я знаю, как вы, стипендиатки, работаете. Вы крадете чужие идеи, продаете их ленивым богатеям, а потом жалуетесь на несправедливость мира. Ты грязь, Алиса. И ты пытаешься притвориться принцессой.

Правда разрушила бы меня быстрее. Если я скажу, что писала работу для Григория, меня исключат за академическое нарушение. Если я молчу, я становлюсь воровкой в глазах всех.

Я посмотрела на Диану. На ее торжествующую улыбку. Внутри меня все горело, желчь поднималась к горлу, но я не заплакала. Плакать нельзя. Слезинка — это слабость, которую они используют против тебя.

— Проваливай, — спокойно сказала я, обходя ее. Плечом к плечу. Контакт был неприятным, холодным.

— Ты пожалеешь! — крикнула она мне вслед.

Я направилась к служебному выходу, дрожащими руками доставая ключ-карту. Охранник, старый грузин с усталыми глазами, преградил путь.

— Сумку.

— Зачем? — спросила я, чувствуя, как пот стекает по вискам.

— Слухи ходят. Пропажа ноутбука у профессора Иванова. Проверка.

Мои ноги стали ватными. Если они спросят о работе Григория... или прочтут мои заметки...

Я открыла сумку. Внутри была только старая тетрадь отца и бутерброд с колбасой. Телефон я держала в руке.

Охранник хмыкнул, разочарованный отсутствием добычи.

— Проходи. Но будь осторожна. Ректорат сегодня нервничает.

Я выскочила на улицу, где холодный ноябрьский воздух ударил в лицо, очищая легкие. Автобусные остановки были пусты. Я шла пешком, считая шаги, чтобы не потерять сознание.

Напротив выхода с парковки стоял черный Mercedes S-Class. Стекло было тонировано. Я не видела никого внутри, но остановилась. Не его ли машина?

Машина тронулась с места, плавно выезжая на дорогу.

Если Марк задержался в холле, он слышал Диану. Мне хотелось верить, что он знал, кто я такая на самом деле. Не жертва. Не воровка. Просто человек, который делает то, что нужно, чтобы выжить.

Я дождалась автобуса почти сорок минут, переминаясь на холоде. Всё это время в голове крутилась одна мысль: он видел всё — и промолчал. Такие, как Марк Волков, не молчат даром.

Дорога к маме заняла два часа. В приемном отделении я отдала пять тысяч в кассу и спрятала чек в тетрадь. В палате мама спала, положив ладонь поверх одеяла. Я осторожно коснулась её пальцев. Теплые. На тумбочке лежал список упражнений — длинный, страшный, но теперь у нас хотя бы был первый оплаченный день. Домой я поехала после конца посещений.

Обратный автобус пустил меня в тепло с редкой для ноября щедростью. Я съела бутерброд из сумки, глядя в темное окно, и пыталась не думать о завтрашнем дне. Получалось плохо.

Люблино встретил меня серыми панельками и запахом жареного лука из подъезда. Квартира была маленькой, тесной, но чистой.

Под дверью лежал конверт. Деканатский, доставленный курьером.

«Приглашение на беседу по поводу академической честности». Подпись: декан Орлов. Заявитель: Д. Лермонтова. Дата завтра. Время: 10 утра.

Я села на табуретку, расправляя больничный чек. Проверила сумму, дату, назначение платежа. Ритуал контроля. Хаос снаружи не должен проникнуть сюда.

Я достала старый блокнот отца, с пометками о балансах и дебет-кредите. Начала писать список свидетелей. Григорий. Диана. Охранник.

И Марк.

Марк Волков не просто наблюдатель. Он единственный, кто видел момент передачи флешки. Кто видел, как Григорий заплатил. Кто слышал, как я назвала это бизнесом.

Если я хочу выжить, мне нужно понять, чего он хочет от меня на самом деле. Он не предупредил Диану. Он не вмешался. Почему?

Телефон вспыхнул уведомлением. Неизвестный номер.

Сообщение гласило:

«Твоя мать дышит лучше, когда ты не тратишь время на глупости. Завтра, 8 утра. Кабинет ректора. Приходи одна. Или я скажу им, где ты брала деньги на лечение.»

Отправитель: M.V.

Я смотрела на экран, пока буквы не расплылись перед глазами. Сердце пропустило удар, затем забилось быстрее. Угроза была настолько ясной, что я перечитала только время. Восемь утра. Игра началась. И правила устанавливал он.

Глава 2

К восьми утра я была в деканате. Беседа с Орловым оставалась назначенной на десять, а Марк велел ждать у кабинета ректора. Я ненавидела эти коридоры. Они пахли старым паркетом, ладаном и чьей-то чужой властью. В этом здании, пропитанном деньгами Волковых, даже воздух был дорогим — густым, как сироп от кашля, который я пила в детстве, когда кашель не давал спать.

Мне нужна была всего одна подпись куратора. Бумажка, подтверждающая мой допуск к конкурсу на стажировку. Печать, которая отделяла меня от нищеты и приближала к тому, чтобы моя мать перестала считать копейки на аптеку. Я шла по стеночке, прижимая папку к груди, словно щит. Студенты обходили меня стороной, как будто я была заразной. Может, так оно и было: бедность в элитном колледже — это не диагноз, это клеймо.

Дверь кабинета ректора была полуоткрыта. Оттуда доносился низкий мужской голос, но слова тонули в гуле вентиляции. Я остановилась. Инстинкт кричал: «Иди дальше». Но ноги предательски замерли. Из-за угла выскользнула Диана Лермонтова. Она выглядела так, будто только что сошла с обложки журнала для избалованных наследниц: безупречная укладка, костюм, стоивший моей годовой стипендии, и эта самодовольная ухмылка хищницы, загнавшей добычу.

Диана заметила меня. Её глаза сузились, превращаясь в две холодные бусины.

— Ой, кто здесь? Наша маленькая работяга, — протянула она, делая шаг навстречу. Я чувствовала запах её духов — тяжелый, приторный, душный. — Ты опять подслушиваешь? Или просто ждешь подачек от тех, кто выше тебя статусом?

Я опустила взгляд на свои потертые туфли. Стыд жег щеки, но внутри росло тихое, злое сопротивление. Я молчала. Молчание — единственное оружие, которое мне давали бесплатно.

— Знаешь, Алиса, — Диана наклонилась ближе, понизив голос до шепота, который резал уши лучше крика, — люди вроде тебя пишут дипломы за других. Грязная работа. Твои руки всегда будут пахнуть чернилами и завистью. Тебе место на кухне, а не в коридоре власти.

В этот момент из тени за спиной Дианы вышел Марк Волков. Он двигался бесшумно, как пантера. Обычно он смотрел сквозь меня, как сквозь стекло. Но сегодня его темные глаза остановились на моем лице. В них не было презрения. Там был интерес. Холодный, расчетливый интерес человека, который нашел новую игрушку или новый инструмент.

Марк обошел Диану и оказался вплотную ко мне. Его присутствие заполнило собой всё пространство, вытесняя кислород. Он пах сигаретным дымом, кожей и опасностью.

— Ты видела слишком много, чтобы просто уйти, — прошептал он мне на ухо. Его губы почти коснулись мочки моего уха, и мурашки побежали вдоль позвоночника. Это не было флиртом. Это была угроза, завернутая в бархат.

Я инстинктивно отшатнулась, споткнувшись о собственные ноги. Но не убежала. Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я ничего не видела, — сказала я твердо, хотя голос дрогнул. — Я просто стояла.

Марк усмехнулся. Эта улыбка не достигла глаз. Он достал из кармана пиджака пластиковую карту с золотыми краями и бросил её на ближайший подоконник рядом со мной. Ключ-карта.

— Хочешь договориться — посмотри папку «Гранты» в моем кабинете, — произнес он, разворачиваясь и направляясь обратно в кабинет ректора. Диана последовала за ним, хихикнув, когда дверь закрылась перед моим носом.

Коридор опустел. Тишина стала оглушительной. На подоконнике лежала карта доступа к личному кабинету Марка. Сердце колотилось где-то в горле. Взять её означало нарушить все правила выживания. Не взять — остаться никем, пылью под ногами этих людей.

Я осмотрелась. Камеры наблюдения висели высоко, слепые зоны были у углов. Если Диана вернется за забытой вещью... Нет, она осталась в кабинете ректора. Решение созрело быстрее, чем страх. Я схватила карту. Пластик был теплым от чужой руки.

Кабинет Марка находился на другом конце этажа, в крыле, куда пускали только студентов с красными пропусками. Я проскользнула внутрь, чувствуя себя взломщицей. Дверь поддалась с мягким щелчком. Внутри было темно. Только полоска света пробивалась из окна, освещая массивный письменный стол из красного дерева. Воздух здесь был другим: сухим, дорогим, с нотками дорогого табака и кожи.

Я включила фонарик на телефоне. Луч выхватывал детали интерьера: картины старых мастеров, шкаф с книгами, которые никто никогда не читал, и сейф, слегка приоткрытый. Внутри сейфа лежала папка. Не дипломная. Обычная канцелярская папка с надписью «Гранты».

Мои пальцы дрожали, когда я открыла её. Документы. Финансовые отчеты. Имена. Я быстро пролистывала страницы. У трех разных грантов повторялись суммы, исполнители и даже номера актов. Отцовская школа бухгалтерии: когда цифры слишком аккуратны, ищи, что ими прикрывают. Похоже, фонд «Волков & Ко» выводил деньги через фиктивные образовательные гранты. Одних этих листов не хватало, чтобы доказать, куда они уходили. Я переключилась с фонарика на камеру и сняла страницы с подписями и суммами. Диана Лермонтова значилась номинальным руководителем проекта, получая проценты за «администрирование». А подпись представителя фонда под каждым актом принадлежала Марку. Он как минимум закрывал глаза на эти повторы.

Бомба. У меня в руках была бомба, способная взорвать весь колледж, разрушить репутацию семьи Волковых и отправить ректора в тюрьму. Или отправить меня на дно вместе с ними.

Свет в коридоре резко погас. Звук шагов. Медленных, размеренных. Они приближались к двери кабинета. Это были не шаги Дианы — её походка была легче, игривее. Эти шаги принадлежали кому-то, кто привык контролировать пространство вокруг себя.

Дверь открылась. Марк вошел в темноту, не включая свет. Он знал, что я здесь.

— Любопытство убивает кошек, Алиса, — сказал он. Его голос был ровным, но в нем звенела сталь.

Он подошел к столу. Свет моего телефона отражался в его глазах, делая их зелеными, как болотная вода. Я не убрала телефон. Я не спрятала документы. Если бы я попыталась бежать, он поймал бы меня. Если бы я начала объяснять, он посчитал бы меня слабой.

— Я знаю, что ты делаешь, — произнесла я, и мой голос звучал чужим, твердым. — И я знаю, что Диана использует тебя. Вы оба играете в одни и те же игры, только у неё нет смелости называть вещи своими именами.

Тишина повисла между нами, осязаемая, как скальпель. Я ожидала удара, крика, вызова охраны. Вместо этого Марк медленно улыбнулся. Впервые за всё время я увидела под маской льда живое лицо. Не доброе. Но человеческое. Уставшее.

— Смело, — констатировал он. — Но глупо. Ты думаешь, эти бумаги спасут тебя? Они уничтожат нас обоих. А если они исчезнут?

Он сделал шаг ближе. Мы оказались так близко, что я чувствовала тепло его тела сквозь ткань рубашки. Запах табака стал сильнее, головокружительным.

— Удали фото, — приказал он. Это не было просьбой. Это был ультиматум. — Сейчас же.

Мой палец завис над экраном. Внутри бушевала ярость. Почему я должна подчиняться? Но потом пришла мысль яснее любой логики: если я удалю файлы, я стану частью этой системы. Но если я сохраню их, я останусь жертвой, которую раздавят при первом удобном случае.

— Я удалю их, — сказала я, глядя ему в глаза. — Но есть условие.

Марк приподнял бровь. Ему было интересно. Люди обычно умоляют. А я торговалась.

— Слушаю.

— Я буду твоей девушкой. На балу, перед родителями, перед советом директоров, перед Дианой. А ты остановишь дело Дианы, обеспечишь мне допуск к стажировке и оплатишь мамин курс реабилитации. Я буду носить твою маску, отвлекать внимание, быть твоей тенью. Но я не буду твоим рабом.

Я сделала паузу, позволяя словам осесть в воздухе.

— Если ты предашь меня, если ты позволишь им растоптать меня снова... эти файлы восстановятся автоматически. У меня есть резервная копия, отправленная на сервер Тимуру. Он знает пароль. Он не только студент, он программист. И он любит меня больше, чем ты любишь деньги.

Это была ложь. Почти. Тимур действительно мог помочь, но я не знала, согласится ли он на такую роль. Однако в глазах Марка мелькнуло сомнение. Он оценивал риск. Он искал зеркало — кого-то, кто сможет носить его груз, не ломаясь.

— Ты ставишь условия мне? — спросил он тихо.

— Я выживаю, — ответила я. — Так работает бизнес. Ты купил себе страховку.

Марк долго смотрел на меня. Потом протянул руку. Его пальцы были длинными, холодными. Он коснулся экрана моего телефона и нажал кнопку удаления. Снимки исчезли. Но напряжение не спало. Оно только трансформировалось.

— Хорошо, — сказал он. — С Орловым сегодня я поговорю. Завтра оформим остальное. Ты будешь моей тенью. Но помни, Алиса: тень не имеет права на собственное имя. Пока мы в игре.

Я взяла его руку. Холод его пальцев проник под кожу, оставляя там метку, которую не смоет ни один душ. Герб Волковых был запачкан, треснут изнутри. Но теперь он был моим.

Глава 3

На следующий день пятно от кофе расползалось по белому хлопку, как чернильная клякса на чистом листе. Я стояла перед зеркалом в коридоре деканата, чувствуя, как холодная липкость пропитывает ткань до самой кожи живота.

— Ой! Прости-прости, — голос Дианы Лермонтовой был сладким, как переспелая вишня, и таким же токсичным. Она даже не попыталась помочь мне вытереть пятно. Просто смотрела сверху вниз, скрестив руки на груди, её идеальные брови были подняты в немом осуждении. — Ты такая... неряшливая. Как будто нарочно пачкаешь себя, чтобы привлечь внимание. Грязь всегда тянется к свету, Алиса. Извинись. Прямо сейчас. Перед всеми.

Вокруг нас уже собирались студенты. Шепотки превращались в гул. Мой желудок сжался в тугой узел. Если я начну спорить или плакать, они увидят жертву. А жертва здесь — корм. Я молча достала из кармана куртки скомканную салфетку. Начала тереть ткань. Сильно. Жестко. Втирая кофе глубже, но делая вид, что пытаюсь спасти ситуацию. Внутри меня всё кричало от унижения, но лицо оставалось каменной маской.

Физическое сопротивление бесполезно. Нужно играть по правилам системы.

Я закончила тереть, выбросила грязную салфетку в урну и, не глядя на Диану, прошла мимо неё. Не извинилась. Не поблагодарила. Просто исчезла из её поля зрения. Это было маленькое поражение, но моя единственная победа за сегодня.

Часы на телефоне показывали без пяти минут три. Кабинет Марка Волкова был в конце длинного коридора, но я знала: он там не будет ждать. Он любит делать сюрпризы. Любит держать людей на крючке неизвестности.

В полумраке лестничного пролета, ведущего к спортивному крылу, меня перехватили. Тимур выглядел так, будто не спал трое суток. Его очки съехали на нос, а пальцы нервно теребили лямку рюкзака.

— Алиса, стоп! — он схватил меня за руку, его ладонь была влажной от пота. — Ты идешь к нему? К Волкову?

— Мне нужно, Тим. Стипендия, грант для мамы...

— Он тебя сожрет! — шипел он, оглядываясь через плечо. — Я взломал их внутреннюю почту. Там переписка между ним и ректором. Они готовят дело о плагиате против тебя. Чтобы ты подписала бумагу о «добровольном» уходе из колледжа. Или... или он предложит тебе сделку, после которой ты никогда не выберешься. Не входи туда. Пожалуйста. Беги.

Я посмотрела на его испуганные глаза. На друга, который всегда был рядом, когда весь мир отворачивался. Но если я откажусь от сделки с Марком, завтра же меня исключат. А мама... ей нужен не один оплаченный день, а полный курс реабилитации. Такие деньги я за ночь не заработаю.

Я аккуратно, но твердо освободила свою руку из его захвата.

— Спасибо, Тим. Но я должна войти.

Его лицо исказилось от боли и разочарования. Он сделал шаг назад, словно я толкнула его.

Дружба здесь — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Спустившись вниз, я толкнула тяжелую дверь раздевалки баскетбольной команды. Воздух ударил в лицо смесью запаха пота, резины и дорогого мужского парфюма. Полутемное помещение пахло агрессией и сырой энергией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.